

СЕРГЕЙ
МАГИД

О
СОСТОЯНИЯХ
СОЗНАНИЯ

[Опыт
ИСТОРИОСОФИИ
РУССКОЙ ЖИЗНИ]

Сергей Магид

**О состояниях сознания. Опыт
историсофии русской жизни**

«Водолей»

2015

УДК 130.3
ББК 87.52

Магид С.

О состояниях сознания. Опыт историософии русской жизни /
С. Магид — «Водолей», 2015

ISBN 978-5-91763-400-5

В основу книги «О состояниях сознания» положен курс из шести лекций под названием «Человек и его Этнос». Эти лекции Сергей Магид прочитал весной 2015 г. в Доме национальных меньшинств в Праге. Речь шла об истории «русского этнического менталитета». Присутствующие хотели понять – и, можно предположить, что это был вопрос жизни как для слушателей, так и для лектора, – почему Россия такая, какая она есть. Для этого надо было прояснить человеческую историю как историю сознания, как историю его структур, этапов его развития, его возможностей и перспектив, – как историю его состояний. Без такого прояснения – в как можно более детальной теоретической и в то же время конкретной историко-прикладной форме – кажется, нельзя осознать, что происходит с Россией и что с ней надо делать. Т. е. что надо делать ныне живущим. Понять это умом – цель книги, родившейся из пражских лекций.

УДК 130.3
ББК 87.52

ISBN 978-5-91763-400-5

© Магид С., 2015
© Водолей, 2015

Содержание

[I]. Зона неуловимости	6
[1]	6
[2]	7
[3]	9
[4]	11
[5]	12
[6]	13
[7]	14
[8]	15
[9]	16
[10]	17
[11]	19
[12]	20
[13]	21
[14]	22
[15]	23
[16]	25
[17]	26
[18]	28
[19]	29
[20]	31
[21]	32
[22]	33
[23]	34
[24]	35
[25]	36
[26]	37
[II]. Эволюция и её человек	38
1]. Эволюция	38
2]. Человек	42
3]. Антропогенез	44
[III]. Четыре революции каменного века	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Магид

О состояниях сознания: Опыт историософии русской жизни

© С. Магид, 2017

© Издательство «Водолей», оформление, 2017

Осуществление этой книги не могло бы состояться без участия Геннадия Александрова, Светланы Бородиной, Сергея Бородин, Вадима Гривача, Лины Давыдовой, Марины Добушевой, Игоря Золотарева, Ежи Котонского, Мариш Магидовой, Александра Муратова, Ирины Орешкиной, Кирилла Орешкина, Дмитрия Плисецкого, Мариш Плисецкой, Татьяны Плисецкой, Ивана Толстого, Мариш Фаворитовой, Ольги Черкашиной

Руки ваши осквернены кровью; уста ваши говорят ложь. Никто не возвышает голоса за правду, никто не вступает за истину; надеются на пустое, начинают зло и рождают злодейство. Насилие в руках их, ноги их бегут на пролитие невинной крови; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, пути их искривлены. Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, и вот тьма, – озарения, и ходим во мраке. Осязаем как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми – как мертвые. Все мы ревом как медведи, и стонем, как голуби; ожидаем спасения, но оно далеко от нас. Ибо преступления наши с нами. Мы изменили, мы солгали пред Господом. Говорили клевету, зачинали и рождали из сердца лживые слова. И правда стала вдали, и истина преткнулась на площади, и честность войти не может.
Книга пророка Исая, 59, 3–14 Иерусалим, 747 г. до н. э.

Способ выздоровления, желательный для меня, есть *выслеживание идолов...*

В мире больше идолов, чем реальностей; это *мой* «злой взгляд» на этот мир, это также мое «злое ухо»...

Тут задавать вопросы *медицинским молоточком...* – какой это восторг для человека..., перед которым *должно звучать* то именно, что хотело бы пребывать в безмолвии...

Что же касается выслеживания идолов, то на сей раз это не временные, а вечные идола..., – не существует более старых, более уверенных, более надутых идолов...

А также более пустых...

Это не препятствует тому, что в них *больше всего верят...*

Фридрих Ницше

Турин, 30 сентября 1888 г.

[I]. Зона неуловимости

[1]

Потомки гипербореев

Как до сих пор не найден конкретный предок человека, так до сих пор не найдена и та конкретная археологическая культура, из которой выросли славяне; возможно, ее нет вообще, этой первой ЧИСТОЙ славянской культуры; возможно, она и не должна быть.

В течение последних ста с небольшим лет продолжались поиски этих первых чистых славян и история происхождения их при этом неизбежно принимала самые фантастические очертания.

Время возникновения славянского этнолингвистического массива углублялось, возраст славян и их почетная древность увеличивались.

Славяне, а особенно русские, становились потомками этрусков, троянцев, гипербореев и вообще первыми людьми на Земле, где уже не только Христос, но и Адам был славянином, и даже не просто славянином, а прямым предком русских.

Особенно не повезло в истории славянского этногенеза готам, которые и так-то не состоялись как завершённый этнос, а тут еще и память о них десятками лет стиралась в СССР, их археологическая культура у них отбиралась и везде на местах их поселений оказывались в итоге одни славяне, то чистые украинцы, то прямые предки москвичей.

[2]

Обычные готы

Древнегерманскому племенному союзу во главе с готами принадлежит ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА II–IV вв. Это обширные территории на Украине, в Молдавии и Румынии. Могильник у села Черняхов Киевской области открыл и исследовал В.В. Хвойко в 1900–1901 гг.

Создатели черняховской культуры жили в больших НЕУКРЕПЛЕННЫХ поселениях. Значит чувствовали себя сильными и не боялись внешнего врага. Значит сильного внешнего врага и не было вблизи. А от дальнего врага их защищала хорошо продуманная система укрепрайонов – руины ее, под древним названием Змиевых и Траяновых валов, и в наше время прослеживаются по границе распространения Черняховской культуры.

НАЗЕМНЫЕ жилища готов – ДЛИННЫЕ ДОМА – располагались рядами. Длинные дома заимствованы древними германцами у кельтов (особенно у кельто-иллиро-фракийцев, – венетов, создателей Лужицкой культуры). Кельты, в свою очередь, заимствовали эту традицию домостроительства у центральноевропейских культур, восходящих к доиндоевропейской неолитической культуре линейно-ленточной керамики 6–5 тысячелетий до н. э. Стало быть, строить эти «длинные дома» люди учились сотни и тысячи лет, передавая традицию из поколения в поколение. Нельзя было из землянки сразу же попасть в «длинный дом», но нельзя уже было и «длинный дом» забыть напрочь и «вернуться» к землянке.

Площадь некоторых черняховских домов превышала 100 м². Стены возводились из жердей, обмазанных глиной между столбами. Полы утрамбовывались или покрывались глиной. Дома отапливались (!) каменными или глиняными очагами. У домов хозяйственные постройки и ямы-хранилища, иногда глубиной до 3 метров.

Железообрабатывающее, кузнечное, бронзолитейное, камнетесное ремёсла. Высокий уровень железообрабатывающего ремесла.

В Винницкой области обнаружен карьер по добыче вулканического туфа для изготовления жерновов к мельницам.

Ювелирное ремесло, украшения из бронзы, серебра, золота, драгоценных камней, янтаря и стекла. Одежда застёгивалась на плече художественно оформленными металлическими фибулами. Распространены височные кольца, браслеты, ременные бляхи.

Керамика изготовлялась НА ГОНЧАРНОМ КРУГЕ и отличалась большим разнообразием: горшки, миски, чаши, кувшины, кубки, чарки, вазы с тремя ручками. В быту пользовались также стеклянными кубками, костяными гребнями. Гончарная керамика преобладала над лепной в большинстве поселений.

Погребения богаты украшениями: керамика, стеклянные кубки, фибулы, костяные гребни.

Подъём земледелия в эпоху черняховской культуры отмечен усовершенствованием плуга с железными наконечниками; вол и лошадь уже использовались как тягловая сила; расширился

состав культурных знаков; под пашню были освоены значительные участки земли. Продукцию сельского хозяйства черняховцы сохраняли в ямах-хранилищах или в больших глиняных сосудах – «зерновиках». Зерно мололи жерновами. Из домашних животных разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, домашнюю птицу.

Процветала торговля с ближайшими античными центрами. Множество импорта (греческие амфоры, в которых привозили вино и оливковое масло, стеклянные кубки, реже – краснолаковые сосуды – целые и в обломках, обнаружены на всех памятниках черняховской культуры). Во внешней и внутренней торговле использовалась римская монета. На территории черняховской культуры обнаружено более тысячи монетных кладов. Некоторые черты черняховской культуры сложились уже под влиянием позднеантичного цивилизационного центра.

В IV в. черняховская культура оседлых германцев (не только готов, но и гепидов, скиров, боранов) погибает в результате нашествия кочевников-гуннов.

[3]

В «деградации» славян виноваты гунны

ДОСТОВЕРНО славянские памятники в этих же, бывших «черняховских» местах, – VIII–IX веков. Они предшествуют культуре так называемой «Киевской Руси». МЕНЕЕ ДОСТОВЕРНЫЕ – VI–VII веков. Глубже ничего достоверно славянского и даже протославянского нет.

Первая из ПОЧТИ ДОСТОВЕРНЫХ славянских археологических культур – Пражско-корчакская (VI–VII вв.). Распад пражской культуры хронологически совпадает с распадом соседнего Аварского каганата. Ранние славяне тянулись в арьергарде кочевников, были уносимы с востока на запад их волной и существовали монолитно, пока существовал каганат.

Пражско-корчакская культура считается почти достоверно славянской, потому что только в ней начинает проследиваться ПРЕЕМСТВЕННАЯ СВЯЗЬ с более поздними славянскими культурами. Землянки. Горшки. Нет гончарного круга. Нет орнамента.

Иные культуры, приписываемые исключительно славянам, уже проблематичны.

Пеньковская культура («древности антов»; VI–VII вв.). Землянки – оваловидные, юртоподобные. В этом «домостроительстве» ясно сказывается кочевнический менталитет. Лепные горшки. Изделия из кости. Погребения крайне бедные. М.И. Артамонов считает пеньковскую культуру тюркоязычной болгарской. Но не исключен и сильный иранский языковой компонент.

Колочинская культура (скорее балтская; VI–VII вв.) Землянки. Горшки. Нет гончарного круга. Нет орнамента.

А в последнее время и Киевская культура (тоже скорее балтская; V в.) Землянки. Горшки. Нет гончарного круга. Погребения бедны.

Что предшествует пражско-корчакской, пеньковской, колочинской, киевской культурам? – Великий Хиатус (лат. «зияние», «щель», «разрыв»).

А за разрывом – черняховская культура III–IV вв. Между германской черняховской культурой и достоверно славянскими памятниками разрыв – 400–600 лет.

Черняховскую культуру русские и советские археологи долго хотели считать славянской и до сих пор большинство из них так считает. Проблема стала политической и идеологической, побеждала теория автохтонности. Т. е. наш этнос живет здесь изначально и непрерывно, сотни, тысячи, десятки тысяч лет и совершенствует свою культуру, а археология лишь это подтверждает. И все культуры до черняховской были славянскими. На востоке: у украинцев и русских, с XV века до нашей эры, – тшинцево-комаровская, белорудовская, чернолесская, скифская, зарубинецкая. И на западе: у поляков, с XII в. до н. э., – лужицкая, а потом поморская, пшеворская, оксывская – все славянские.

Тогда почему же черняховская культура так деградировала к VII–VIII вв.? Остались одни горшки и землянки. Казалось бы наоборот, она должна была бы стать еще величественнее. Ответ: виноваты гунны. Они все разрушили, а население всё забыло. Все ноу-хау свои начисто

забыло и деградировало, чтобы все начать сначала. Этот вывод был принят от безнадёжности – надо было доказать во что бы то ни стало, что черняховская культура – славянская. Потому что немцы считали ее германской.

[4]

Ойум, земля обетованная

Между тем в истории ясно прослеживается всегдашнее стремление германцев на юго-восток, в Северное Причерноморье. Об этом глухо говорит уже одна из древнейших северогерманских легенд – о Великой Свитьод (svitjod в буквальном переводе – «народ шведов»), земле предков будущих жителей Скандинавии – на берегах реки Танаис (Дон), за которой Асгард, жилище богов.

Немецкий библиотечарь и теоретический археолог Густав Косинна полагал, что прагерманцы совершили десять «индогерманских походов» из Ютландии в украинские степи в эпоху неолита и что этот путь к тому времени был им уже хорошо знаком.

По теории молодого Льва Клейна, еще носители катакомбной культуры (III тыс. до н. э., бронзовый век, Украина и Россия между Волгой и Доном), пришли в те же украинские и южнорусские степи с запада, с ютландского полуострова и были предками «индоариев».

Вот почему это постоянное продвижение древних германцев на юг и юго-восток, к земле обетованной: по традиции, по проторенному пути, по памяти незапамятных времен, оставшейся в коллективном этническом бессознательном со времен каменного и бронзового веков.

В конце I – начале II в. н. э. возникает вельбаркская культура железного века в северной Польше. Её возникновение связывают с миграцией готов из Южной Швеции в Померанию. Приблизительно к 190 году н. э., по ходу дальнейшей миграции на юг, готы РАССЕКАЮТ НАДВОЕ прабалтский этнолингвистический массив. К 250 году н. э. древнегерманский племенной союз уже прочно сидит на реке Данапр и строит на его берегу свою столицу – Данапрастадир, а передовые отряды готов и кораблестроителей боранов укрепляются в Крыму.

Данапр величествен. Как известно, редкая птица долетит до середины его. Это не просто река. Это ОЙУМ.

ОЙУМ (готск. Aujom – «речная область», «страна вод»), земля обетованная готов. По словам Иордана, она «окружена зыбкими болотами и омутами».

Ойум традиционно локализуется в Приднепровье. Не исключено, что именно вследствие расселения по разные стороны Днепра произошло разделение готского народа на остготов и вестготов: тогда это было как бы первое разделение Украины на Левобережную и Правобережную. На северо-западе Ойум граничил с Припятскими болотами.

Предания о пребывании готов в Приднепровье сохранили некоторые скандинавские «саги давних времён», в которых упомянута древняя готская столица на Днепре – Археймар (он же Данапрастадир?). Некоторые историки видят в Археймаре поселение, предшествовавшее хазарскому Самбату (он же полянский Киев?). В археологическом плане Ойуму и соответствует Черняховская культура.

[5]

Хиатус в 1100 лет

Черняховская культура даёт нам совершенно самобытный ритуал погребений: в могилах «погребено» оружие. Точно так же и в могильниках поморской, пшеворской, оксывской, вельбаркской культур – МАССА ОРУЖИЯ: ритуально согнутые (иногда до состояния спирали) мечи, копья, шпоры, умбоны щитов. Таким образом оружие «предавалось смерти» после кончины его владельца, чтобы оно, приведенное в негодность, а значит тоже «умершее», могло следовать за ним в верхний мир.

В расположенных среди руин черняховских памятников достоверно славянских могильниках никакого ритуально «испорченного» и «похороненного» ОРУЖИЯ НЕТ. Ваз и кувшинов тоже нет. Одна грубая лепная керамика, одни горшки, иногда сковородки. Только в IX в. у славян начинает появляться посуда, изготовленная на гончарном круге.

Той культуры, которой славяне достигли к IX в., пшеворцы, оксивцы и черняховцы достигли ко II в. до н. э. – IV в. н. э. Здесь максимальный разрыв в 1100 лет, в тысячелетие.

В IV в. черняховцы-готы находились уже на «предгосударственной стадии социального развития», а древляне, радимичи, вятичи, кривичи жили «звериным обычаем» еще в IX в. У них еще не существовало ни «табу на инцест», ни какого бы то ни было закона наподобие германских «варварских прав».

ПВЛ: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. У одних не занимаются прелюбодеянием, не крадут, не клеветают, не убивают. А у других – едят людей, убивают путешественников. Закон у них – матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев... А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах... и умыкали себе жен; имели же по две и по три жены. Этого же обычая держались и кривичи. Поляне же имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, – стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и свекровьями; имеют брачный обычай».

[6]

Крепость на краю «Пустыни Тартари»

Для защиты от дальнего врага – кочевников, возможно, именно готами были возведены Змиевы валы.

Змиевы валы – народное название древних (не позднее IV в. до н. э.) оборонительных сооружений по берегам притоков Днепра южнее Киева. Их остатки сохранились и сегодня по рекам Стугна, Трубеж, Сула, Рось. Валы по времени создания соответствуют Черняховской и Зарубинецкой культурам.

Название «Змиев вал» происходит от народных восточнославянских легенд о Никите Кожемяке, победившем Змея (кочевника), запрягшем его насилием в гигантский плуг и пропахавшем ров-борозду, обозначившую пределы страны.

Есть несколько теорий возникновения Змиевых валов: скифская, славянская, готская.

Согласно готской теории, Змиевы и Траяновы (в Приднестровье) валы были построены Германарихом для защиты от гуннов.

В европейскую культуру образ этой древней оборонительной линии вошел как мифологема вечной крепости, охраняющей Цивилизацию от нашествия кочевников из степи. Особенно красочно этот образ использован в романе итальянского писателя Дино Буццати «Татарская пустыня» (1940 г.) и в фильме итальянского кинорежиссера Валерио Дзурлини «Пустыня Тартари» (1976 г.), поставленного по этому роману.

Змиевы валы можно считать еще одним из «чудес света». Это готская «Великая китайская стена», она же «Линия Мажино». Для военной архитектуры того времени и тех мест, когда и где Змиевы валы были созданы, они представляют собой последнее слово оборонительной техники.

Укрепрайон Змиевых валов простирался на расстояния в десятки километров. Валы строились фронтом на юг и юго-восток в сторону степи, на 10–12 метров в высоту при ширине основания в 20 метров. Часто валы усиливались на верхних площадках деревянным частоколом с бойницами и сторожевыми вышками. Протяжённость отдельных валов составляла от 1 до 150 км. Для прочности в валы закладывались деревянные конструкции. У подножий валов, обращённых в сторону врага, рылись рвы.

Создать такое оборонительное сооружение как Змиевы валы могла только организованная сила, причем сила, исходящая из одного властного центра. В IV в. н. э. единственной такой силой в Северном Причерноморье, Среднем Приднепровье и Приднестровье была лишь готская «держава Германариха».

[7]

Праславянский язык – «сын» прабалтского

Что касается этногенеза славян, то решающая в нем роль готов состоит, видимо, в том, что, проходя с северо-запада на юго-восток, т. е. мигрируя с побережья Балта на побережье Понта, они, как уже упоминалось, раскололи ПРАБАЛТСКИЙ ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МАССИВ на северо-восточную и юго-западную часть, после чего в этой юго-западной части прабалтского массива стал формироваться новый язык, исходящий из прабалтского, но ставший постепенно ПРАСЛАВЯНСКИМ.

Разделение на прабалтский и праславянский языки окончательно оформилось в середине I тыс. н. э.

По отношению к древним балтам (предкам будущих литовцев и пруссов) славяне и праславянский язык представляли собой позднее преобразование балтийского этнического и лингвистического элемента. Праславянский язык в основе своей, в самом своем лексическом ядре, есть «сын» прабалтского языка. Но были, конечно, и иные смешения и заимствования, и, соответственно, иные теории.

Так, Г.А. Хабургаев считал, что славяне и праславянский язык возникли во второй половине I тыс. н. э. в результате смешения окраинных восточно-балтийских элементов с иранскими – так появились, например, анты.

Как бы то ни было, славяне – самый молодой этнолингвистический массив в Европе. Неудивительно, что его много раз пытались искусственно состарить.

[8]

Венеты теперь называются склавинами

Впервые этноним, похожий на слово «славяне», употребил византийский историк готского происхождения Иордан.

Иордан жил в VI в. (умер после 551 г.). Он написал исторический труд «О происхождении и деяниях гетов». Почему «гетов», а не «готов»? Потому что Иордан занимался тем же, чем занимаются все этнопатриоты Нового времени, начиная с XIX в., – удрежнял историю своего племени. Древний – значит автохтонный, всегда здесь живущий, имеющий право на территорию. Древний – значит славный, могущественный, обладающий редкой способностью к выживанию. Геты – древнее фракийское племя в Дакии, ничего общего с германцами-готами не имеющее, но зато автохтонное в местах последующего пребывания готов и отличающееся от готов только одной буквой. Но если эту одну буквочку немножечко изменить, с «е» на «о», то это будут готы, которые всегда там жили.

По такому же старому «иордановскому» принципу, который определяет происхождение этноса согласно созвучию названий и путем невинного исправления букв, славянофилы наших дней отождествляют с русскими этрусков, ругиев, рутенов, росомонов, росов, роксоланов, бору-сков, херусков и вообще всех, кто попадет под руку, с корнем «ру» или «рус» в названии.

Итак, Иордан: «У той стороны Альп [Карпат], которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы [Вислы] на огромных пространствах обитает многочисленное племя ВЕНЕТОВ. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются СКЛАВИНАМИ и антами» (Iord. Get. 34).

[9]

Почему именно венеты?

Венетов упоминает Иордан и в несколько ином контексте (Iord. Get. 119): «Германарих двинул войско на венетов, которые, хотя и достойны презрения из-за плохого вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться, но все, однако, подчинились власти Германариха...» – это IV век, приблизительно 348–350 гг., время расцвета «державы Германариха», перед самым гуннским нашествием.

И дальше: «Они же [венеты], будучи одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и склавинов, которые теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим» – «теперь свирепствуют», это уже VI век, после 548–550 гг., т. е. после первых набегов «склавинов» на Византию, когда Иордан писал свою «Гетику».

Кто такие «могучие численностью и плохо вооруженные» «венеты» IV в., против которых ходили войска готов?

Славян в IV веке еще нет, хотя в юго-западном углу огромного прабалтского этно-лингвистического массива, в отрезанной готским походом его части, уже и идет процесс возникновения нового языка и нового сознания – протославянского. Однако, рождающиеся протославяне в это время еще не могут быть «могучими численностью», не могут представлять из себя серьезного противника, которого готам надо усмирять карательными походами. Более того, протославяне в это время еще настолько незаметны для истории и историков, что просто не могут еще иметь уже давно известный окружающим народам и прославленный этноним «венетов»; еще рано, еще пару столетий придется подождать. Поэтому реальные венеты IV века, против которых вынужден выступить Германарих, это, скорее всего, ПРАБАЛТЫ, которых действительно было тогда великое множество – от Днепра и Москвы-реки до Немана. И, очевидно, вместе с родственными прабалтами в стычках с готами уже активно участвуют и ранние ПРОТОСЛАВЯНЕ.

Но почему Иордан всех их называет «венетами»?

И если «могучие численностью» венеты, противники Германариха в IV веке, – и те же «венеты», которые вместе с антами и склавинами «теперь повсюду свирепствуют» в VI веке, т. е. через 200 лет, – один и тот же этнос, то откуда он взялся и куда исчез?

Чтобы понять всё это, нам придется спуститься на несколько временных ступеней вглубь, в эпоху великого Та́цита.

[10]

Зона «взаимного страха» и ее население

С 89 по 93 г. на границе Рима с Германией, проходящей по Рейну, выполнял тайную миссию, порученную ему императором Домицианом, историк Публий Корнелий Тацит (57–120). Это был сбор информации о Германии и ее вооруженных силах. В 98 г., по результатам сбора этой информации, Тацит издал отчет: «О происхождении германцев и местоположении Германии».

Тацит подробно описал территории, занятые различными германскими племенами. Уже тогда, в I в., он указал на присутствие в Померании – готов. Действительно, как раз ко времени Тацита в этих местах начала складываться древнегерманская вельбаркская культура. Значит сведения его информаторов были невероятно точны.

Затем Тацит отметил свионов (скандинавов) и эстиев, обитавших на «правом побережье Свебского моря» (Балтики). Под «эстиями» Тацита следует понимать не предков эстонцев, а племена западных прабалтов, специализировавшихся на сборе янтаря в районах балтийского побережья. «*Nis Suebiae finis*» – «Здесь конец Свебии», считает Тацит. И тем более конец Германии. Но «Германия-Свебия» Тацита это, собственно, и есть Европа (средняя и северная), которая тогда уже кончалась на границе прибалтийских племен, т. е. там же, где она кончается и сейчас.

Что касается границы Германии (т. е. Средней Европы) с Дакией (современной Румынией) и Сарматией (современной Северо-Западной и Центральной Украиной), то «*Germania omnis a Sarmatis Dacisque mutuo metu... separator...*» – «Вся Германия отделена от Сарматии и Дакии ВЗАИМНЫМ СТРАХОМ...»

Действительно, от Западного Буга и вплоть до Поднепровья, т. е. в гигантском квадрате, приблизительно, между Барановичами на севере, Житомиром на юге, Гомелем на востоке и Брестом на западе, простирается странная зона относительной АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПУСТОТЫ. Здесь почти нет ни могильников, ни городищ, ни денежных кладов, ни многослойных свалок, характерных для первобытных поселений. Нет почти никаких культурных памятников прошлых времен. Зато до сих пор есть бескрайние леса и бездонные болота.

Тацит: «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, не знаю...» Из этих слов ясно, что между германцами и сарматами, «взаимно боящимися» друг друга, между «концом Свебии» и началом Сарматии, живет, оказывается, еще множество разного народа – певкины, венеды, фенны, и некоторые из них вообще непонятно кто, то ли германцы, то ли сарматы, то ли ни те и ни другие.

«...Певкины», продолжает Тацит свой отчет, «которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев... Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов...»

Если певкины (бастарны) и сарматы заключают между собой смешанные браки, значит между ними «взаимной боязни» почему-то нет.

В свою очередь, «...венеды переняли многое из их [бастарнов] нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами».

Раз «венеды переняли» многое из нравов бастарнов, т. е. многое из их образа жизни, их традиций, стереотипов их поведения, а значит стереотипов менталитета, стало быть, чем-то эти «нравы» были венедам близки и для них приемлемы. Значит между венедами и бастарнами существовали какие-то точки соприкосновения, какие-то общие культурные основания. Какие же? При этом надо вспомнить, что в современной археологической науке бастарны (носители зарубинецкой культуры, III в. до н. э. – II в. н. э.) считаются народом «между кельтами и германцами» (М.Б. Шукин) или просто кельтизированными германцами.

Вот и Тацит делает тот же вывод: «их [венедов] можно причислить к германцам, потому что ОНИ СООРУЖАЮТ СЕБЕ ДОМА, НОСЯТ ЩИТЫ и передвигаются пешим ходом с большой скоростью; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих жизнь в повозке и на коне» – и приближает к «нравам» бастарнов, которые тоже живут не в землянках и знают оружие нападения и обороны.

Как раз в поселениях зарубинецкой культуры, которую создали бастарны, искусство домостроительства было очень высоким: дома столбовые, то есть каркас дома изготовлялся из столбов, которые переплетались лозой, а затем обмазывались с обеих сторон толстым слоем глины – это **ТИПИЧНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ НАВЫКИ КЕЛЬТОВ**, переданные ими **ГЕРМАНЦАМ**.

Исходя из этого явного и очень важного – домостроительного – признака, зарубинецкая культура, наряду с пшеворской, оксывской и ясторфской, входит в единый круг прагерманских культур, находившихся под сильным культурным воздействием кельтского менталитета. По своей структуре они резко отличаются от местных «горшечных» культур Восточной Европы – скифской, милоградской, юхновской, гетской. Как считал М.Б. Шукин, зарубинцы-бастарны представляют собой сплав поморской культуры (кельтской) и ясторфской (германской). Выходцы с запада, они появились в Северном Причерноморье на рубеже III–II вв. до н. э. Там их знали также под именем певкинов, т. е. людей, населяющих остров Певка в дельте Дуная.

А в середине I в. н. э. кочевники-сарматы оттеснили бастарнов на север, в сторону Волыни и Полесья, и там бастарны столкнулись с венедами.

[11] Кто такие «венеды»?

Тацит признаёт самобытность венедов. Он не зачисляет их однозначно в германцы. Германцев-бастарнов Тацит описывает совершенно отдельно. Венеды же для него это какие-то другие племена, то ли оказавшиеся под культурным воздействием бастарнов-германцев, то ли имевшие собственную, аналогичную германской, культуру – домостроительства, вооружения, передвижения...

Славяне это быть не могли, потому что славяне в I в., во-первых, еще не существовали, а если даже какие-то протославянские элементы уже и возникли на окраине юго-западного протобалтского этноязыкового массива, то, во-вторых, культуры домостроительства они еще не знали, да и культуры щитов как компонента вооружения тоже. Значит венеды Тацита это не славяне.

Но это и не прабалты, опять же из-за отсутствия у прабалтов культуры подобного домостроительства.

Но и не германцы, потому что германцев Тацит уже хорошо различал и мог бы германство венедов засвидетельствовать. Но не засвидетельствовал.

Если это не славяне, не балты, не германцы и тем более не финны, которые еще пользовались костяным оружием и жили в лесных землянках, то кто же тогда остается в тех краях, так хорошо знающий культуру домостроительства и вооружения? Остаются кельты.

Но кельтов в чистом виде в районах Южной Белоруссии и Северо-Западной Украины, т. е. Полесья и Волыни, к I в. уже не было, – ассимилированные германцами, они растворились в германском море. Тогда, если это не «чистые» кельты, то это, по логике вещей, потомки тех, кто там сотни лет жил до Тацита, – ПОТОМКИ НОСИТЕЛЕЙ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ, знавших и культуру домостроительства и культуру вооружения.

[12]

Венеды/венеты – поздние кельто-иллиро-фракийцы

Носителями лужицкой культуры были кельто-иллиро-фракийские племена, которые и стали известны в истории как «восточные венеты» (венеды), родственные по языку «западным (адриатическим) венетам» (предкам населения будущей Венеции).

Поэтому напрашивается самый простой и логичный вывод: **ВЕНЕДЫ ТАЦИТА БЫЛИ ВЕНЕДАМИ** (как писал Жукин о бастарнах: «бастарны были бастарнами»), т. е. ни теми, ни другими, ни третьими, а **САМИМИ СОБОЙ**, скорее всего **ПРЯМЫМИ ПОТОМКАМИ КЕЛЬТО-ИЛЛИРО-ФРАКИЙЦЕВ**, известных под именем **ВЕНЕТОВ, НОСИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ XII–IV вв. до н. э.**

Основная часть носителей этой культуры была поглощена и ассимилирована германским потоком в течение второй половины I тысячелетия до н. э., но вполне возможно, что какая-то небольшая их часть, жившая на окраине «лужицкой» территории, спаслась в непроходимой стране припятских лесов и болот, в зоне «археологической неуловимости» между Германией и Сарматией. Эта «археологическая неуловимость» вполне объяснима – в чащобах и трясинах богатые археологические памятники не оставить, – дерево там постепенно гниет, а камня для построек нет. Хотя глины для обмазки жердей хватает. Поэтому их поселения, видимо, состояли все из тех же, характерных потом и для германцев, длинных домов («они сооружают себе дома», пишет Тацит), стены которых составляли вертикальные столбы с плетнём, обмазанным глиной. Унесли они с собой и свой этноним – венеты. Под этим именем («венеды») в I в. их и узнал Тацит.

* * *

Через три-четыре столетия место этих «венедов», последних потомков носителей лужицкой культуры, заняли выделившиеся из прабалтского этнолингвистического массива и постепенно германцами же вытесненные на юго-запад протославяне.

И вот этих-то протославян, занявших место венедов и ассимилировавших их, окружающие продолжали называть венедами.

Отсюда «винды» и «венты» как названия славян у немцев и куров, «венемаа» как «земля русских» у эстонцев, «веняя» (официальное название русских, в отличие от пейоративного «рюсю») у финнов.

Это действительно обозначения настоящих славян, далекие предки которых заселили к IV–V вв. колеблющиеся среди припятских болот земли настоящих венетов, к тому времени поздних потомков «лужичан». Дальние соседи новых праславянских насельников (а близких соседей – не было), которые не очень-то разбирались в том, какие смены населения происходят в тех лесах и на тех болотах, продолжали называть их жителей по старинке – «венетами» («виндами», «вентами», «вене»), что является фактом вполне естественным для «народной этнонимологии».

[13]

Зона «археологической пустоты» и ее новое население

«Венеды» Тацита в I в. были еще венетами, т. е. кельто-иллиро-фракийцами. После этого прошло триста лет. И вот «венеты» Иордана в IV в., на которых напал Германарих, это уже, вполне вероятно, в какой-то своей части, ПРОТОСЛАВЯНЕ (пока еще только ПРОТО, об этом ни в коем случае нельзя забывать), осевшие на землях «лужицких» венедов и постепенно поглотившие их, так еще и не освоив культуру наземного домостроительства. А в большей своей части это «породившие» протославян многочисленные племена ПРАБАЛТОВ, всё еще связанные со своими «детьми» пуповиной родственных диалектов и общих культурных традиций.

Протославяне родились между германцами на западе и иранцами-кочевниками на юге, и единственно возможное «между», это Припятские леса и болота.

Протославяне постепенно становились праславянами. Они превращались в праславян, все больше изолируясь, потому что идти им было некуда и дружить им было не с кем. Сначала сарматы и готы, потом гунны, потом тюрки-кочевники, потом германцы и прабалты не давали праславянам выйти из лесов и болот ни на юг, ни на запад, ни на север. Идти можно было только на восток, где жили финны со своими костяными наконечниками стрел. С таким противником еще можно было справиться. Поэтому какая-то часть праславян начала постепенно и очень медленно мигрировать на восток и северо-восток.

Но бóльшая их часть, получившая имя венедов, – по месту проживания старых венетов-лужичан, живших ранее на территории Полесья, – осталась «бродить» по лесам и болотам от Немана до Днепра, не выходя из чащи и не имея возможности ни у кого перенять начатки цивилизации. Возник менталитет, привыкший к гомеостазу, т. е. к «пребыванию в одном и том же», менталитет, которому для того, чтобы развиваться, нужен был внешний толчок. Первым толчком было движение готов с севера, сарматов с юга – раскол балтского единства. Затем толчок гуннов, кутригуров, авар. Затем хазар. Затем викингов. Затем монголов. Затем Европы. Чтобы выжить в результате всех этих толчков, надо было перенимать элементы культуры тех, кто толкал. Так постепенно и издревле возникала и утверждалась имитационно-адаптивная культура славян.

Зона «взаимного страха» и «археологической неуловимости» охватывала междуречье Западного Буга, Немана и Березины и все Припятское Полесье, которое оставалось «археологически пустым» с середины I по VI в. н. э., т. е. 500 лет. Где-то в этом промежутке исторического времени у отколовшихся в «пустоту» и «одиночество» (или скорей «отколотых» туда готами и сарматами) новых насельников из когда-то единого прабалтского этно-лингвистического массива и сложился постепенно свой собственный язык, которому суждено было стать славянским.

[14]

Цивилизационный фронтир

Но кого (или чего) все же «боялись» германцы и сарматы, останавливаясь перед «зоной взаимного страха», которая теперь известна как зона «археологической неуловимости»?

Можно предположить, что здесь, на границе «Свебии» и «Сарматии», взаимно боялись друг друга тогдашние «Европа» и «Азия».

Уже почти оседлые германцы, жившие в «длинных домах», и навсегда кочевые сарматы в «кибитках» (П.К. Тацит).

«Лес и Степь» (Л.Н. Гумилев).

Абсолютно разные «культурные миры» из «семи», тогда существовавших (М.Б. Щукин).

Здесь, по южной и северной границе припятских болот и лесов, для древних германцев и древних иранцев тоже проходил – как для Рима по Рейну и по Дунаю – свой «лимес», тогдашний цивилизационный фронтир, где граничили две ойкумены – североевропейская и центральноазиатская. Между ними еще не было ни торгового обмена, ни даже военных контактов, а только взаимное избегание друг друга.

Припятское болотное Полесье воспринималось первобытным человеком как *SILVA SACRA* – Священный Лес (так же благоговейно воспринимался, скажем, и знаменитый Герцинский лес, *HERCYNIA SILVA*, между Германией и Бойохэмумом, Землей бойев, будущей Богемией). Непроходимые лесные чащи служили в то время прекрасным, самой природой созданным рубежом между этими несовместимыми образами жизни и состояниями сознания, – открытого, динамичного и закрытого, гомеостазного, «остающегося в одном и том же».

[15]

Кто такие «анты»?

Согласно свидетельству Иордана, веныды/венеты делились на собственно венетов («корень»), склавинов и антов.

Антам приписывается пеньковская культура. Но эта культура явно кочевническая. Кто же такие анты? Этноним этот – иранский: anta означает «край» (ср. англ. end, нем. Ende – «конец»). Анты это племена, жившие на краю иранского мира.

Не исключено, что именно от этого этнонима пошли в русском языке «украины» («окраины»). При буквальном сопоставлении значений, «анты» – это «украинцы», жители окраинной периферии (тогда – иранской).

Возможно, анты это самая первая волна праславян, попробовавшая спуститься из леса на юг и юго-восток, в степь, где еще были сарматы – и «мгновенно» иранизированная. В таком случае, анты это первые праславяне, впитавшие в себя кочевнический менталитет. Недаром в конце IV в. анты участвуют в войне гуннов с готами на стороне кочевников-гуннов. Казалось бы, антов должна была привлечь высокоразвитая (для тех мест и той эпохи) черняховская культура, но им больше по душе пришлась культура центральноазиатских (южно-уральских, алтайских, – географическое происхождение здесь не так важно) кочевых племен. В результате готы напали на союзных гуннам антов и убили их вождя Боза. У Иордана – *Boz, Booz, Vox*.

Некоторые славянские авторы реконструируют имя Боз как раннеславянское Бож (с соответствующими «божественными» ассоциациями) и даже как Вож, т. е. «вождь» (!). И другие антские имена воспроизводятся ими как типично славянские: Доброгаст, Межимир...

Между тем, у византийского историка Агафия Миринейского упоминается не Доброгаст, а Дабрагез (и по М. Фасмеру это имя восходит к готскому «Крепкое копье» – *Dapragajza*), и у Менандра Протектора – не Межимир, а Мезамер (опять же от готского «mers» – «великий»; отсюда позднейшее нем. *mehr* – «больше», «сверх»).

С. Рассадин еще приводит заключение Д. Иловайского, заметившего, что «среди антов и склавинов невозможно отыскать ни Святополков, ни Святославов», т. е. имен с ясной и однозначной славянской этимологией. «Попытки истолкования анто-склавиновского именованного исходя из славянского, – продолжает Рассадин, – останутся, видимо, бесплодными и далее. Ведь славянская этимологизация неславянских имен очевидно бессмысленна». И действительно, даже известный римский оппозиционер *Lucius Sergius Catilina* носил, на первый взгляд, более «славянское» имя, чем «иной из числа *Ανται* и *Σκλαυενοι* [«антов и склавинов»]¹

Первый набег «антов» на Империю фиксируется в начале правления императора Юстина I (518–527 гг.), когда они вторглись во Фракию **ВСЛЕД ЗА КУТРИГУРАМИ** и были разбиты (Прокопий Кесарийский. Война с готами).

¹ *Рассадин, С.Е.* Именованное IV–VI вв. н. э. как источник по этногенезу славян // Восточноевропейский археологический журнал, 4(17) июль-август 2002, ([http:// archeology.kiev.ua/journal/040702/rassadin.htm](http://archeology.kiev.ua/journal/040702/rassadin.htm)).

В IV в. анты выступают как союзники кочевников-гуннов, а в начале VI в. они идут в арьергарде кочевников-кутригуров.

Итак, анты это, по всей видимости, иранизированные протославяне, люди с менталитетом кочевников, этнос в состоянии становления, не ставший ни иранским, ни славянским, но растворившийся в конце концов среди окружающих народов. Какая-то часть антского праятноса, как это до них было и с венетами-«лужичанами», сначала спаслась от растворения. Они остались кочевать и постепенно осесть на землю в Среднем Приднепровье. Там они смешивались с приходящими из северных лесов восточнославянскими племенами, и позднее стали важным субстратом населения на своей же давней территории, которая в разные эпохи носила разные, порой взаимоисключающие названия – то «Киевская Русь», то «Малороссия», то «Новороссия». Но лишь последнее по времени название – «Украина» – наиболее адекватно коррелирует со смыслом этнонима «анты».

[16]

А кто такие склавины?

Этноним «склавины» нам тоже известен только из византийских источников.

Впервые этноним «склавины» упоминается в работе «Гетика» (551 г.) Иордана в форме «Sclaveni» и в труде «Война с готами» (555 г.) Прокопия Кесарийского г. в форме «Sklaboi», т. е. только в середине VI в. н. э.

Первый набег склавинов на Византию тоже скрупулезно отмечен хронологами: после 578 г. «враги сильно налегли на нас, особенно проклятые ЭСКЛАВИНЫ и те, которых называют АВАРАМИ» (Менандр Протектор. История).

Можно предположить, что так называемые «склавины» это дальнейшая волна тех же праславян из Припятского Полесья, откуда первыми спустились на юг те, кто стал нам известен под именем «антов». К VI в. эти «склавины» (возможно, праславяне) уже значительно продвинулись, как мы видим, на запад и юг.

В конце VI в. склавины составляют неотъемлемую часть аварской кочевой орды. Так же как анты, склавины кочуют и, подобно всем мигрирующим первобытным племенам, «ищут родину».

Праславяне присоединяются ко всем кочевым завоевателям (гуннам, кутригурам, аварам) и учатся у них. Они учатся у них и уходят вместе с ними на запад и юг, завоевывать Европу или занимать пустующие там пространства. Так вырастают западные и южные славяне, предки словаков и чехов, сербов и хорватов. Те же праславяне, которые не отваживаются спуститься из леса в степь, превращаются со временем в восточных славян, предков украинцев, белорусов и русских. Некоторые из этих племен выходят из леса, но только тогда, когда кочевники на время уходят из степи. Другие так и остаются в лесу и этот факт крайне негативно влияет на их этногенез.

[17]

Версии происхождения этнонима «словѣне»/«славяне»

Существуют несколько версий происхождения этнонима «славяне».

Основными являются три.

1]. От слова «слово». Словѣне это люди «слова», т. е. говорящие «по-нашему», «словами». А все остальные, кто нашими словами не говорит, те, можно считать, вообще не говорят, они – немые, «немцы». Замечательно простая и красивая версия. Но есть вопрос.

Для того, чтобы выработать такую изящную композицию, достойную фантазии какого-нибудь поэта эпохи русского Серебряного века с его символистским мышлением, для того, чтобы создать такую чуть ли не витгенштейновского толка философско-лингвистическую оппозицию, первобытный славянин, придумывая себе свой этноним, должен был обладать по меньшей мере тремя замечательными ментальными свойствами. Во-первых, абстрактным мышлением, во-вторых, умением взглянуть на себя со стороны и, в-третьих, искусством логического сравнения.

Первобытный славянин должен был, таким образом, сознавать, что он, во-первых, «говорит», что, во-вторых, результатом его говорения есть «речь», а основой речи является «язык» его племени и даже всего союза племен, что, в-третьих, благодаря этому «общему языку» все первобытные славяне разрабатывают «совместное знание» о самих себе и окружающем мире, т. е. «со-знание», и что, наконец, в-четвертых, строителями этого со-знания являются «слова», а он, первобытный славянин, есть родитель, изобретатель и владелец этих «слов». Отсюда вывод, который для себя сделал этот первобытный славянин: всякий иной, кто его словами не владеет, есть «чужой» и «немой» или даже так: «чужой», потому что «немой»...

Не слишком ли все это сложно для первобытного славянина?

В то же время, по сходству с таким объяснением происхождения этнонима «словѣне» можно создать массу подобных этимологий, одна изящнее другой, например: слово «немец» происходит не от слова «немой», т. е. не говорящий, а от эмоционального утверждения «не мой!», т. е. «не наш!», в отличие от «наших». – причем смысл слова «немец» остаётся исключительно таким же, даже еще более точным и жестким – не просто «чужой», но «враг».

Нет, первобытный житель «зоны взаимного страха» и «археологической пустоты» абстрактным мышлением еще не страдал и в лингвистические игры еще не играл. Происхождение его этнонима должно было быть гораздо более простым и очевидным.

2]. От слова «слава». Славяне – «славные». Тоже замечательная версия.

Проблема только в том, что переход звука «о» в этнониме «словѣне» в звук «а», что и дало нам в итоге «славян», произошло в очень позднем Средневековье. Да и опять же, как и в случае с изводом этимологии этнонима «славяне» от слова «слово», первобытный славянин должен был иметь еще более мощное абстрактное мышление, чтобы представлять себе на этот раз, что такое «слава», чем он, собственно говоря, «славен», и не только он, но и все его

соплеменники, и не только его соплеменники, но и союзные воины из родственных племен, все, без исключения «славные» – «славяне!»»

Нет, это слишком торжественно для первобытного славянина и отдает скорее романтическими теориями славянофилов XIX в. В VI в. таких теоретиков среди «словѣн» еще наверняка не было.

3]. Третья версия – самая скромная. Этноним «славяне» произошел от топонима (названия места).

Действительно, праславянский суффикс – ѣне (как затем и русский – яне, – ане) это суффикс множественного числа, указывающий на географическое происхождение или местоположение: древляне (из «дерев», леса), поляне (с полей), северяне, южане, мораване (с реки Моравы, из Моравии), петербуржане, земляне, инопланетяне, мазовшане (из Мазовии), поморяне (с Поморья) и т. п. Поэтому, кстати, третьей версии придерживаются лингвисты. Они-то знают совершенно точно, что суффикс – ѣне (-яне, – ане) встречается только в производных от названий мест.

О том, что – ѣне (-яне, – ане) есть суффикс, указывающий именно на изначальное географическое местоположение этноса, говорит и сам летописец Нестор: «...славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели... по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от неё и назвались полочане...»

Скорей всего от гидронима (названия реки, у которой жило условное племя «альфа», давшее потом своё имя всей родственной этнолингвистической группе) произошел и этноним славян. Тогда надо искать эту реку, а не бродить в лабиринте торжественного абстрактного мышления.

[18]

Река «сл-» как эпицентр славянского расселения

Предположив, что этнос «словѣне», во-первых, происходил из какого-то места, которое в своем названии несет корень «слов-» или даже просто «сл-» и, во-вторых, находился близ территории обитания тацитовых «венедов», мы сразу обращаем внимание на бассейны рек Северная Случь и Южная Случь (и, может быть, и на реку Слуга в Смоленской области, хотя это уже слишком далеко на северо-восток от «венедских» земель...). Реки Северная и Южная Случь – это Полесье, зона расселения «венедов» Тацита (I в.), на месте которых затем обнаруживаются «венеты» Иордана (VI в.).

Действие происходит в полесских лесах и болотах, эпицентр – бассейн Припяти. С левого берега в Припять впадает Северная Случь. Длина – 228 км. Площадь бассейна – 5620 км². Исток – в Вороничских болотах, на Копыльской гряде. Протекает, в основном, по территории Полесья. Наивысший уровень половодья – в конце марта, начале апреля, наибольшая высота над меженью² 2–3 м. Замерзает в середине декабря, вскрывается во второй половине марта. Основной приток – МОРОЧЬ. Площадь водосбора сильно заболочена (до 45 % всей территории бассейна реки).

С правого берега в Припять впадает ГОРЫНЬ. Длина – 659 км. Площадь бассейна – 27700 км². Исток – в Кременецких холмах. Дальше река течет по Волынскому плоскогорью, в узком каньоне с высокими и крутыми берегами. Оттуда Горынь изливается в Полесье, там она кажется почти неподвижной в широкой заболоченной пойме, протекая через Пинские болота.

В верхнем течении реки ГОРЫНЬ, на отвесных уступах Волынского плоскогорья, на Кременецких высотах, живет, по всей видимости, Змей ГОРЫНЫЧ.

Почему там? Потому что там проходит южная граница припятских лесов и болот, там постепенно начинается лесостепь, а за ней степь, в которой – кочевники. Сарматы, гунны, кутригуры, авары, все они проходили там, внизу, на юге, недалеко от истоков Горыни. Оттуда, из-за реки налетал Змей, жег селища, уводил рабов. Потому, верно, и прозвали его Горыныч, порождение реки Горыни.

Но праславяне упорно заселяли речную долину. И сейчас стоят на Горыни поселения с исконно славянскими именами – Изяслав, Славута, Нетешин, Острог, Гоща, Оржев, Столин, Речица...

² Межень – фаза водного режима, от весеннего половодья до первого льда, когда вода в реке стоит на самом низком уровне.

[19]

А что вокруг реки «сл-»?

Почему так упорно цеплялись пришедшие сюда праславяне за эту землю? Видимо, не только в результате освоения привычных трасс миграции, но и потому, что традиция заселения здесь была давняя и проверенная: у современного села Лепесовка на Горыни в конце 1950-х гг. было открыто поселение черняховской культуры. На раскопе нашли сосуды, внутренняя поверхность которых была орнаментирована крестами... Был ли это северный аванпост «готской державы Германариха»?

Готы приняли христианство (в его арианской форме) в IV в., а некоторые их группы крестились в новую веру уже и в III в. Во второй половине IV в. – начале V в. готский епископ Вульфилла «терпеливо перевёл с греческого языка на готский всю Библию, за исключением 3 и 4 книг Царств», – сообщает американский историк Уильям Джеймс Дюрант, автор 11-томной «Истории цивилизации». Поскольку готский язык был, а алфавита для него не было, Вульфилле заодно пришлось создавать и готское письмо, которым он записывал свой перевод Священного Писания. Таким образом, что касается раннего приобщения к христианству и цивилизационным элементам его культуры, готы вполне могли стать «франками Востока», т. е. породить своего Карла Великого, христианизировать окрестные языческие племена, создать Священную Римскую империю народа готского... Но не получилось. Пришли кочевники. И теперь готы в истории – это «несостоявшиеся» франки. Загнанные и погибшие.

Лепесовка, село на реке Горыни, Белогорский район Хмельницкой области, Украина. В 1957–1962 гг. здесь раскопано поселение III–IV вв. Огромное количество артефактов северо-западного происхождения, восходящих к вельбаркской и пшеворской культурам (т. е. древнегерманским). Особенно четко это выражается в традициях домостроительства. Опять ДЛИННЫЕ наземные дома со стенами на плетневом каркасе, обмазанном глиной, совмещающие под одной крышей жилое помещение и хозяйственное – хлев или мастерскую. Эта традиция не имеет местных корней, но хорошо прослеживается еще с «эпохи Латена» (древней кельтской культуры) в домостроительстве древних обитателей Ютландии, Голландии и Северной Германии. Поселение погибло от сильного пожара.

К северу от этого ареала черняховской культуры II–IV веков располагалось «обширное полесское "белое пятно"», пишет археолог М.Б. Щукин в своей статье о раскопках в Лепесовке. Это «белое пятно» оставалось «белым», т. е. археологически пустовало, «практически... с середины I в. до VI в., когда там появляются памятники корчакской культуры³вой почти достоверно славянской. Первым на это «белое пятно» обратил внимание археолог Д.С. Мачинский в 1976 г., подтвердив, таким образом, информацию о существовании «зоны взаимного страха» и «археологической пустоты», полученную римским историком Тацитом в 98 г. Лепесовка находится в непосредственной близости от юго-западного угла этого полесского «белого пятна» и является «булавочным уколом» (по выражению М.Б. Щукина). Имеется в виду «булавочный угол» цивилизации в безмерной пустоте. Этим «булавочным уколом» было присутствие здесь готов.

Поскольку готское поселение, на месте которого располагается нынче украинское село, было тотально уничтожено сокрушительным пожаром, можно предположить, что оно было сожжено во время вторжения гуннов. Смутные предания о гибели людей и их культуры на реке Горынь наверняка остались в памяти потомков и пришельцев, остались в памяти территории.

³ Корчакская культура (или культура Корчак) – региональный вариант Пражской культуры (V–VII вв.).

У древних славян этот сюжет мог приобрести форму сказаний о тирании Змея Горыныча и о борьбе с ним героев, но уже не древнегерманского, а древнеславянского племени. Так передаются по наследству от этноса к этносу «мифы территорий».

[20]

Судьба людей с реки «сл-»

С правого берега в Горынь впадает Южная Случь. Длина – 451 км. Площадь бассейна – 13900 км². Исток – на Волынском плоскогорье. В низовьях течет по Полесской низменности, впадает в Горынь в 100 км. от ее устья.

Случь – гидроним типично славянской формы, оканчивающейся на мягкий знак (Птичь, Сведь, Лань, Вить, Уборть, Солонь, Сошень, Смердь, Науть, Морочь – и на юго-восток, вплоть до пресловутой славянской реки Рось...).

А окружают Случь сплошь гидронимы финно-угорского извода, оканчивающиеся, как правило, на – ва (в финно-угорских языка «ва» значит «вода»): Чаква, Льва, Канава, Моства, Волхва, Саева, Весва – и на северо-восток, вплоть до великой восточно-финской Москва-реки... Всё это в полном соответствии с отчетом Тацита (I в.): в «зоне взаимного страха» и дальше за ней на северо-восток живут «феннии», народ настолько убогий, что спит на голой земле и делает наконечники стрел из кости – это в железном-то веке римских легионов! Почти в таком же виде «феннии» дожили не только до времен Иордана (VI в.), но жили в своем «костяном веке» еще и во время завоевания их безграничных лесных земель бредущими на север и восток кривичами, радимичами, дреговичами, вятичами, словенами (VII–X вв.).

А поляне спустились вниз, на юг, и заселили «киевские горы», не подозревая еще, что вошли в сферу геополитических интересов хазарских кочевых племен.

Словене же с берегов Северной и Южной Случи, из бассейна Припяти и Горыни мигрировали в двух противоположных направлениях: на северо-восток и на юго-запад. На северо-востоке они стали известны как ильменьские словене, на юго-западе – как «склавины», – будучи, с нашей точки зрения, тем самым искомым славянским «племенем альфа» и носителем будущего этнонима для всех родственных по языку племен.

[21]

«Создание» общеплеменного имени славян

В распространении этнонима племени, называвшего себя «словене» (т. е. происходящие с берегов реки «сл-»), на все племена, говорившие в ту пору на общеславянском праязыке, решающую роль сыграли, по всей видимости, византийцы. Точнее, византийские историки. В этом аспекте мы разделяем гипотезу американского исследователя Флорина Курты, предложенную им в книге «Создание славян» (The Making of the Slavs. Cambridge, 2001).

Византийцы, конечно, не «создали» и тем более не «изобрели» славян, но СОЗДАЛИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ИХ ОБЩЕПЛЕМЕННОЙ ЭТНОНИМ.

Они сделали это, расширив этноним «склавины» с этнонима одного племени, пришедшего к византийскому лимесу с берегов Северной и Южной Случи, Горыни и Припяти, на все племена-носители родственного «склавином» языка.

«Склавины», потому что в греческом невозможно в силу условий произношения сочетание «сл», надо в это сочетание обязательно вставлять что-нибудь промежуточное, в данном случае вставили «к», – получилось «склавины».

Благодаря письменному творчеству византийских историков этноним «склавины» зажил своей обычной жизнью, т. е. был перенесен с одного, наиболее динамичного племени, причинявшего в VI веке Византийской империи массу неудобств, на весь союз родственных племен, говоривших на подобных наречиях.

Позднее, следуя жестким нормам славянского (затем русского) языка, появился уже и отдельный представитель этого союза племен – «словенин»/«славянин», по абсолютной аналогии с «рим-лянин» (от римляне), «галич-анин» (от галичане), «каторж-анин» (от каторжане – откуда? – с каторги)... Сл-авянин – откуда? – с реки Сл...

Не исключено, конечно, что, по логике образования этнонимов, первоначально эти люди могли называться «случане» (сидящие по реке Случь) или «слуяне» (сидящие по реке Служа); у нас нет доказательств того как из «случъне» или из «слуѣне» могли стать «словѣне» и могли ли вообще, и все же, кажется, именно в этом направлении – в поисках гипотетической реки «сл-» – надо двигаться, чтобы понять происхождение этнонима «славяне».

[22]

Почему славян называли не только «венетами», но и «нориками»?

Если праславяне действительно возникли в результате раскола готами в I в. н. э. единого прабалтского этнолингвистического массива на северо-восточное прабалтское поле и юго-западное прабалтское поле, затем из последнего, недалеко от мест обитания венетов (т. е. кельто-ИЛЛИРИЙЦЕВ), выделились как носители нового, праславянского праязыка, а позднее заняли территорию венетов и ассимилировали их, – то тогда становится понятным, почему уже авторы средневековых русских летописей были уверены в том, что после всемирного потопа славяне располагались рядом с Иллирией.

ПВЛ: «Иафету же достались северные страны и западные: ...Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония..., ИЛЛИРИЯ, СЛАВЯНЕ..., [земли]... на север: Дунай, Днепр..., Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток...».

Более того, эти тацитовы «венеды» в «зоне пограничного страха и археологической пустоты», т. е. в Полесье и на Воляни, – были явно родственны «норикам», обитателям сначала царства, а потом римской провинции Норик на Дунае.

В IV в. до н. э. ИЛЛИРИЙСКОЕ ПЛЕМЯ НОРИКОВ объединило под своей властью несколько КЕЛЬТСКИХ, ИЛЛИРИЙСКИХ И ВЕНЕТСКИХ племен, образовав собственное государство в северо-восточных Альпах. Столицей царства стал город Норея (предположительно в районе современного Ноймаркта в австрийской Штирии).

По-видимому, это было первое и последнее в Средней Европе государственное образование кельто-иллиро-венетских племен, родственных по своей культуре племенам древней лужицкой культуры, т. е. тацитовым венедам.

Окружающие народы должны были обязательно провести параллель между тацитовыми «венетами» (потомками тех же «лужичан», но оттесненными германцами в Полесье) и тавриками, главным кельто-иллирийским племенем, создавшим Норик и вобравшим в него другие кельто-иллиро-венетские племена.

Когда же на эти земли пришли славяне (ставшие потом южными славянами, конкретно – словенцами, осевшими в будущих Каринтии и Крайне), на них был перенесен этноним «норики», – так же как на праславян в Полесье был перенесен этноним «венеды».

«Перенос» на праславян этнонима «венеды» зафиксировал германец Иордан в VI в., перенос на славян этнонима «норики» – славянин Нестор в XII в.

ПВЛ: «По разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть суть славяне».

[23]

Люди гибридного сознания

Кельто-иллиро-венеты «норики» и кельто-иллиро-венеты «венеды», на землях которых осели праславяне во время своих миграций «в поисках родины», дали праславянским пришельцам свое имя в трудах ученых мужей и в памяти окружающих народов.

Но сами пришельцы-праславяне так себя никогда не называли.

Ни от «венедов», ни от «нориков» они не происходили, хотя в процессе славянского этногенеза кельто-иллиро-венетские племена и сыграли роль некоего дополнительного субстрата, впрочем, без всяких ощутимых последствий для развития общеславянской ментальности.

Славянский этногенез уходил корнями в прабалтское прошлое.

Праугрофинны, древние иранцы и тюрки также сыграли роль субстрата в этом этногенезе.

Однако славяне выросли именно славянами, уникальность судьбы которых оказалась в том, что они из непродышного леса вышли в степь, полную сквозняков.

Отсюда ГИБРИДНОСТЬ славянского, а затем русского этнического менталитета – в течение всей своей истории он пытается совместить в себе элементы сознания, ограниченного лесом оседлых неолитических племен, и элементы сознания, вскормленного безграничной равниной кочевых орд.

[24]

Гунны возвращаются в причерноморскую степь

Гунны вторглись в степь Северного Причерноморья и лесостепь Среднего Поднепровья в 375 году. В течение почти целого столетия гунны теснили готов и других германцев все дальше на запад, все глубже в европейский хинтерланд. Надо было спасать не только Свебию, Германию и Галлию, но уже и сам Вечный Рим.

Первая решительная битва, оставшаяся в истории как «битва народов», произошла в конце июня 451 г. на Каталаунских полях (лат. *Campi Catalaunici*; равнина в северо-восточной Франции, название получила от располагавшегося здесь галльско-римского города Каталаунум – теперь это Шалон-сюр-Марн). Против нашествия кочевников выступили римляне во главе с Аэцием и их союзники – вестготы, бургунды, франки, аланы (всеми ими руководил гот Теодорих). Гуннами предводительствовал Аттила. У них тоже были свои союзники из подвластных народов – остготы, гепиды, анты, возможно, уже и какие-то иные праславяне. Ударной силой тогдашнего *Rex Romanus* были римляне под командованием Аэция и вестготы короля Теодориха. В кровопролитной битве они овладели стратегической высотой над равниной и вытеснили гуннов с поля сражения. Аттила ушел из Галлии.

Через четыре года гунны вернулись. Теперь их возглавлял Эллак, сын Аттилы. На этот раз шли с юга, через территорию нынешней Сербии. Рим уже не участвовал в войне, дело спасения Европы взяли на себя германцы. Они встретили гуннов в 455 г. на берегах реки Недао (ныне это, видимо, Недава, один из притоков Савы). В ходе битвы германское войско, возглавляемое королём гепидов Ардарихом, разбило гуннов и в результате захватило Паннонию, где гунны пытались осесть. Кочевникам пришлось уйти назад, в Северное Причерноморье, где они продолжали терроризировать и давить праславян, осмеливавшихся показаться на границе леса и степи. В Европу гуннская орда, организованная некогда Аттилой, больше не вернулась. Наступление на запад продолжили другие орды.

[25]

Славянам не повезло

Готов погубили сильные враги. Готы сопротивлялись, уходили с боями, пытались снова и снова остановиться, зацепиться, осесть, начать все сначала. Откуда такая энергия?

Германцы – первоначально – народы моря: место исхода – Скандинавия, это жители побережий, лицом – к открытому горизонту.

Пространство провоцирует трансценденцию, зовет, вопрошает. Уже в эпоху каменного века – у предков германцев многовесельные корабли, прообразы будущих скандинавских драккаров. Изображения их остались на скальных стенах как неопровержимое свидетельство очень рано развившейся, динамичной и агрессивной культуры.

Если германцы возникли в Скандинавии как народ моря, то славяне возникли в Припятском Полесье как народ леса. Славянам не повезло с природой и со слабыми соседями.

На редкость неблагоприятные ландшафтные обстоятельства: вокруг деревья (деревá – в деревáх древляне со «зверинским» образом жизни), за деревьями леса не видно, болота, трясины, отсутствие горизонта, камня, моря, ничтожная возможность трансценденции.

На редкость неблагоприятные контактно-исторические обстоятельства: еще более «бес-трансцендентные» соседи по лесу – предки угрофиннов с костяным оружием. Из леса надо было уходить, выходить на простор, в лесостепь и степь, но там всюду были сильные враги – кочевники, с которыми славянам было не справиться. Поэтому славяне, в массе своей, оставались в лесу до конца VII – начала VIII вв. Там сложилась привычка к «застою», «обломовщине» и «свинцовым мерзостям жизни»...

[26]

Славяне выходят из леса

Только во второй половине VII в. степь Северного Причерноморья временно становится пустой и свободной от кочевников. Это связано с тем, что на Востоке вырастает подвижная «ЗАПАДНАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА» – Хазарский каганат (650–969).

Хазары как и все центральноазиатские кочевники, изначально и в подавляющем большинстве, – несмотря на принятие племенной элитой иудаизма, – поклонялись богу неба Тенгри и обожествляли своих каганов. Тенгри дарил кагану особого вида благодать – кут, способность безошибочно и счастливо править.

Кроме громовержца Тенгри, еще одним главным божеством древних тюрков была Мать-Земля. Она лежала под копытами табунов, кормила коней, держала на себе десятки тысяч всадников. Мать-Земля простиралась на запад до самого последнего моря. Вся она была одним гигантским пастбищем, которое бог неба Тенгри даровал своим верным.

Хазарская стена защищала степь Северного Причерноморья и лесостепь Среднего Приднепровья от нового переселения кочевых народов из Центральной Азии.

Первобытные лесные племена ранних славян могли, наконец, выйти из чащи и спуститься на юг, к великой и древней иранской реке Данапр. Где относительно не так давно, всего лет триста-четыреста назад, стоял древнегерманский Данапрастадир...

[Ш]. Эволюция и её человек

1]. Эволюция

На границах биосферы восходит солнце, на границах биосферы заходит солнце. А мы, пока живем, любимся закатом.

Биосфера по-гречески: «живой шар». Это оболочка Земли, заселённая живыми организмами. В этом «живом шаре» и существует человек.

Биосфера складывается из биомассы и мортмассы.

Биомасса это живое вещество Земли, совокупность всех растительных и животных организмов, включая человека.

Мортмасса – отжившие свой срок органические вещества биосферы: листья, кора, стебли, торф, хвоя, сухостой, отслужившие телесные оболочки насекомых, животных и человека.

Наряду с органической мортмассой существует и мортмасса идей. Об этой мортмассе иными словами говорил Замятин: «Догматизация в науке, религии, социальной жизни, искусстве – энтропия мысли; догматизированное – уже не сжигает, оно – греет, оно – тепло, оно – прохладно. Вместо нагорной проповеди, под палящим солнцем, над воздетыми руками и рыданиями – дремотная молитва...»⁴

Если мортмасса (как органическая, так и идейная) не растворяется полностью в живом веществе, а накапливается и застывает в нем, она становится опасной для дальнейшего развития и существования живого вещества.

* * *

Живое вещество Земли (включая человека) переживает Эволюцию.

Эволюция по-латыни: «развертывание». Это процесс качественных изменений, процесс развития, состоящий из обнаружения новых, ранее скрытых свойств живого вещества.

Процесс Эволюции живого вещества (в том числе и человеческого общества как его составной части) происходит также и при участии мортмассы, которая, изменяясь, входит необходимым элементом в состав развивающейся жизни. Это касается и мортмассы идей. Здесь начинается сфера риска.

Можно и всю Эволюцию определить как процесс риска, хотя и «вечно» стремящийся к равновесию, к универсальному балансу. Неявные формы этого баланса ускользают от повседневного человеческого восприятия.

В своей структуре балансов Эволюцией был создан противовес избыточному скоплению нерастворенной мортмассы. Этот противовес – человеческое сознание. Его появление, таким образом, было неизбежно в процессе Эволюции.

⁴ Замятин, Е.И. О литературе, революции, энтропии и прочем. 1923 г.

* * *

Только со-знание (совместное знание) может противостоять избыточному накоплению органической и идейной мортмассы и неизбежно следующей за ним энтропии.

Сознание живого вещества возникло как антиэнтропийная система. Единственным живым носителем сознания в видимом мире стал человек.

Сознание есть саморегулирующаяся система, в состав которой в одно и то же время входят как элементы самовосстановления, так и элементы самоликвидации.

Со-знание (совместное знание) *творчески перспективно саморегулируется в рамках гуманного социального конструирования*. Если оно есть. А если его нет, то саморегуляция скорее *имитационно-адаптивна и слепо подражательна*, чем творчески перспективна.

Неустанное жизнеполагающее и жизнеобеспечивающее гуманное социальное конструирование является базовым условием существования человека в направлении Эволюции. А если нет, то нет. Тогда в обратную сторону, в регресс, гомеостаз и энтропию.

* * *

Хотя сознание человека – это единственное средство противостояния распространению мортмассы, с течением истории человек сам стал основным производителем колоссальных скоплений мортмасс, доведя их количество до критического уровня, – не только на своих кладбищах, в результате болезней и войн, но и во всех точках своего соприкосновения с природой. Более того, человек сам в себе есть потенциальная мортмасса и его сознание сознаёт это.

Трагедия раздвоенности человека состоит в том, что он сознаёт себя находящимся в центре индивидуальной потенциальной мортмассы (весом в столько-то килограммов, длиной в столько-то сантиметров, с таким-то давлением внутри и таким-то количеством литров крови) и в то же время знает, что его задача, как облеченного плотью *сознания*, – противостоять распространению мортмассы.

Чтобы сознание могло противостоять мортмассе, оно должно развиваться и эволюционировать.

Эволюционный путь сознания – это путь его перехода из одного *состояния сознания* в другое на ментальной «Лестнице Иакова».

Смена состояний сознания и представляет собой историю человечества.

* * *

Эволюция живого вещества становится, по преимуществу, Эволюцией сознания.

Эволюция сознания это борьба сознания со своей смертью как кульминационным пунктом торжества мортмассы, проникающей в сознание и захватывающей его.

В процессе своего эволюционного развития в рамках биосферы, в процессе своей борьбы со своей смертью, сознание порождает новую и специфическую часть биосферы – сферу идей.

Сфера идей, так же как и биосфера, состоит из постоянно перемешивающихся «биомасс» и «мортмасс», в данном случае – *живых и отживших идеологем*.

Признаком «живого вещества» мысли является постоянный палингенезис сознания (по-гречески «второе рождение», «возрождение», «новое рождение»).

Признаком «мертвого вещества» («осадков», «отходов» ныне не актуального мышления предыдущих эпох) является гомеостаз сознания (по-гречески «стояние в одном и то же»).

При этом отжившие идеологемы сознания прошлого, утратившие свой актуальный смысл и вроде бы ушедшие навсегда, на самом деле, в преобразенном и «переваренном» виде, как правило, становятся неизбежной частью живого сознания настоящего, – под другими названиями и именами, но, по сути, всё с тем же своим старым содержанием. Так, скажем, *первобытное сознание эпохи неолита и кочевническое сознание эпохи переселения народов* остаются частью сознания человека всех последующих эпох, включая эпоху модернити.

* * *

Эволюционные процессы развития сознания могут быть сильными и слабыми, энергичными и вялыми, здоровыми и больными. Уровень их напряженности зависит от бесконечного множества конкретных, и в случае каждого отдельного этноса, неповторимых историко-природных причин.

Слабость эволюционных процессов сознания (и живого вещества вообще), недостаточная их напряженность, их вялость ведут, в конечном счете, к избыточному скоплению мортмасс и постепенно замедляют эволюционный процесс.

Если мортмасса переживших свое время идей не растворяется плодотворно в живом сознании современной эпохи, а окаменеет в нем, превращается в *идеологемный тромб*, мешающий течению «духовной крови», живое вещество сознания начинает «гнить», переходя в состояние исторического гомеостаза и ментального коллапса.

* * *

Процесс взаимоотношения «биомассы» и «мортмассы» идей и «процентный» их состав в сознании человека и этноса обуславливает то состояние, в котором находится это сознание, – и, соответственно, место его на шкале творческой эволюционной перспективности («Лестницы Иакова»).

Скопление природной и идейной мортмассы, угрожающее энтропией живому веществу природы и сознания, издревле воспринимается эволюционным человеком как Зло и персонафицируется как дьявол – Повелитель Мортмассы.

В мире идей и в мире эмпирики *воплощением мортмассы идей в действии* является любой радикализм, призывающий к уничтожению живого и осуществляющий уничтожение живого, независимо от степени «исторической оправданности» этих призывов и действий.

Эволюционная трагедия человеческого сознания, кроме того, что в каждом своем конкретном случае оно сознает себя центром потенциальной мортмассы, состоит еще и в том, что

на определенных этапах своего эволюционного развития, в силу тех или иных историко-природных причин, центром жизни сознания человека и этноса становится мир идейных мортмасс. Культ Повелителя Мортмассы – в его метафизическом или антропоморфном виде – начинает занимать в таком сознании (индивидуальном или этническом) центральное положение.

2]. Человек

Вопрос «Что есть Человек?» надо, очевидно, ставить иначе: Что есть Человек в своем потенциале, в своей *предназначенной возможности*? Тогда сквозь увеличительное стекло Истории мы увидим, что Человек в своем потенциале есть деятель Эволюции.

Более того, человек есть не столько участник какого-то этноса, не столько житель какой-то страны, не столько гражданин какого-то государства, но ПРЕЖДЕ ВСЕГО – потенциальный деятель Эволюции, в первую очередь, Эволюции Сознания. А не только преходящая морт-масса.

Путь вида homo sapiens есть путь вида, который ЭВОЛЮЦИОНИРУЕТ. Этот путь проходит через неизбежные промежуточные этапы.

Этап 1.

Уменьшение прямой зависимости от среды обитания, – благодаря творчески перспективному гуманному социальному конструированию и созданию культуры.

Этап 2.

Ослабление естественного отбора и борьбы за существование (как борьбы всех против всех), – благодаря этическим открытиям и – не всегда – параллельным им техническим инновациям.

Этап 3.

Приоритетное сохранение (а не выбраковка) меньшинств – мировоззренческих, религиозных, национальных, гендерных, сексуальных и т. п.

Этап 4.

Общее прогрессирующее повышение статуса, ценности и значимости отдельного индивида и его жизни (в противовес виду, популяции, коллективу).

Этап 5.

Метаморфоза человека этнического (этноантропа) в человека Цивилизации (homo civitatis), человека Цивилизации в человека духовного (homo spiritualis), человека духовного в «Богочеловека».

* * *

Поскольку цель Эволюции состоит в изменении человеческого вида через изменение его сознания, путь Эволюции жизни на Земле неизбежно вел к появлению разумного существа.

Важнейшее отличие человека от животных состоит в способности к рефлексии, к познанию самого себя.

Только человек способен «взглянуть на себя со стороны». Из этой способности вырастает гуманизм – способность «взглянуть» на другого как на себя, «увидеть» его.

Способность человека «видеть» другого проходит долгий и тяжелый эволюционный путь. Одним из величайших достижений человека на этом пути является обнаружение Абсолютного Другого, т. е. Личного Бога-Отца, Сына и Духа в качестве образца «другого», который познаётся прежде всего как партнер в постоянном диалоге.

* * *

Эволюция есть неустанное и неостановимое движение от случайных и одиночных проявлений индивидуального гуманизма к закономерному и естественному гуманизму, как характерному свойству человечества в целом.

Современный биолог сказал: «Ничто в биологии не имеет смысл, кроме как в свете эволюции». То же самое можно сказать и об истории: ничто в истории не имеет смысл, кроме как в свете эволюции человека, эволюции его сознания.

Если подвержено эволюции все живое, в том числе и человек, то, стало быть, и этнос подвержен эволюции, ведь этнос – это люди.

* * *

Эволюция это путь и закон существования живого вещества планеты. Причину возникновения Эволюции мы не знаем. Эволюция дана и мы должны это принять, так же как мы принимаем данность рождения и данность умирания.

Эволюция дана, а природой ли, Богом или инопланетянами, – ответ на эти вопросы зависит уже от личного вкуса. Кроме того, любой ответ ничего не меняет ни в ходе Эволюции, ни в ее целях.

3]. Антропогенез

В «живом шаре» биосферы идет развитие человека – антропогенез. Антропогенез также есть часть Эволюции жизни и сознания и подвержен ее законам.

Долгое время считалось, что эволюция человека была более-менее линейной: одна форма сменяла другую, и каждая новая была прогрессивнее, ближе к современному человеку, чем предыдущая. Сейчас ясно, что все было гораздо сложнее. Эволюционное древо гоминид, т. е. предков человекообразных и человека, оказалось весьма разветвленным.

Временные интервалы существования многих эволюционных видов сильно перекрывались. Разные виды гоминид, находящиеся на разных «уровнях» близости к человеку, существовали одновременно.

Еще в сравнительно недавнем прошлом – всего-навсего 50 тысяч лет назад – на Земле существовало одновременно, как минимум, целых 4 вида гоминид: *Homo Erectus*, *Homo Floresiensis*, *Homo neandertalensis* и *Homo sapiens*.

Наследием и естественным продолжением этого условия сосуществования различных эволюционных видов гоминид, можно полагать и последующее сосуществование – одновременно и на одном пространстве, т. е. рядом, бок о бок, – людей, находящихся на совершенно разных этапах эволюционного развития сознания. Скажем, сосед с преобладающей ментальностью человека каменного века (не символически, а в самом буквальном смысле) живет в одной коммунальной квартире с соседом, ментальность которого в основном принадлежит постиндустриальной эпохе эры информатики. Взаимопонимания нет. Полиция бессильна решить этот вопрос.

* * *

Известные нам ископаемые гоминиды – лишь малая часть их подлинного разнообразия. В последние годы открытия новых родов и видов гоминид резко участились.

Это явление «эволюционной подстраховки», необходимой для выживания как можно большего количества самых разнообразных форм данного вида, объясняет и последующий факт многочисленности и бесконечного многообразия *человеческих этнических сообществ*.

* * *

Первые представители вида *Номо* (человек разумный, неантроп) появляются около 2 млн лет назад, в эпоху нижнего палеолита.

Около 200 тыс. лет назад появляются анатомически современные люди, замедляется биологическая эволюция и активно начинает развиваться эволюция сознания.

* * *

Homo habilis (человек умелый). 2,4–1,5 млн лет назад, восточная Африка. Древнейший представитель вида *Номо*. Изготавливал примитивные каменные орудия (отсюда и название –

«человек умелый»). Анализ внутренней поверхности черепа выявил зачаточный выступ в поле Брока⁵, неразрывно связанный с речью у современного человека (у обезьян этот отдел мозга отвечает за мимику – тоже средство коммуникации!).

Homo erectus (человек выпрямленный, человек прямоходящий). 1,5 млн лет назад, о. Ява. От шеи и ниже *Homo erectus* походил на современных людей. Считалось, что *Homo erectus* вымер, однако недавно было доказано, что *Homo erectus* просуществовал очень долго и был современником человека разумного (*Homo sapiens*). *Homo erectus* умел пользоваться огнем и пожирал себе подобных.

Homo antecessor (человек-предшественник). 800 тыс. лет назад. Предок – африканский *Homo erectus*, эволюционировавший в новый вид. Мигрировал на север, в Европу. В пещерах северной Испании найдены останки людей-предшественников. Были умелыми охотниками на крупных зверей и каннибалами. Одни из самых древних людей в Европе. Возможно, это была первая попытка колонизации Европы, закончившаяся неудачно.

Homo heidelbergensis (человек гейдельбергский). 800–200 тыс. лет назад. Успешно колонизировал Европу. Гейдельбержец был непосредственным предком неандертальца. Изобрел метательное оружие и хорошо владел им.

Homo neanderthalensis (неандерталец). 200–28 тыс. лет назад. Неандертальцы населяли Европу и Западную Азию (от Испании до Узбекистана). Неандертальцы НЕ являются прямыми предками современных людей.

Линии эволюции, ведущие к неандертальцу и современному человеку, разошлись 500–600 тыс. лет назад. Тем не менее объем мозга – как у современных людей или даже больше. Умели разводить огонь. Питались почти исключительно мясом (охота), каннибализм был очень распространен. Появились первые мистические/религиозные верования: хоронили своих мертвецов и украшали могилы цветами. Культура неандертальцев (т. н. «мустьерская», или, что то же самое, среднепалеолитическая культура) дает деревянные копья для ближнего боя с каменными наконечниками. В более позднее время, уже во время контактов с сапиенсами у неандертальцев появляются зачатки искусства (ожерелье из медвежьих когтей).

Homo floresiensis (человек флоресский, флоресиец). 38–18 тыс. лет назад. Найден на о-ве Флорес (Индонезия). Карликовый вид, рост около метра. Владел огнем. Местные легенды полны упоминаний о «маленьких людях», живших в этом районе вплоть до появления там европейцев в начале 1500-х годов. Не отсюда ли берет начало Лилипутия в сказаниях о Гулливере Джонатана Свифта (1667–1745)?

И, наконец, *Homo sapiens* (человек разумный). Объем мозга в среднем 1300 куб. см. Древнейшие находки в Африке – 195 тыс. лет назад.

* * *

45–40 тыс. лет назад сапиенсы вторглись в «исконные земли» неандертальцев – Европу.

⁵ Центр, поле, зона Брока, участок коры головного мозга, отвечающий за организацию речи; открыл французский хирург Поль Брок в 1865 г.

В продолжении 12–15 тыс. лет сапиенсы и неандертальцы сосуществовали на одной территории (это было 40–28 тыс. лет назад, но, кажется, продолжается до сих пор).

Ныне установлено, что в генах современного человека может присутствовать до 4 % генов, восходящих к *homo neanderthalensis*.

Не избежав некоторого смешения с неандертальцами, сапиенсы постепенно вытеснили их на восток, хотя подробности этой борьбы нам до сих пор не известны.

* * *

У сапиенсов, хлынувших в Европу, в самом начале этой экспансии произошел *качественный скачок в культурном развитии*. В археологии этот момент соответствует переходу от среднего палеолита к верхнему палеолиту. К этому времени относятся, по-видимому, так называемые «*революции среднего палеолита*».

* * *

Европейских сапиенсов возрастом 40 тыс. лет традиционно называют кроманьонцами⁶. У них впервые появилось настоящее искусство (наскальная живопись).

Только у кроманьонцев каменные орудия начинают совершенствоваться быстрее, чем строение тела (почему такой взрыв изобретательства? откуда такое количество новаторов? благодать Божия снизошла на кроманьонца?). Как бы то ни было, таким вот образом эволюция человека впервые выходит из рамок естественного отбора. А это самый важный признак начала развития Цивилизации – *здесь начинается сознательное социальное конструирование*, создание человеческого сообщества, – того, что *природой изначально не дано*.

Орудия же неандертальцев эволюционировали не быстрее, чем могли бы эволюционировать *плотины бобров*. «Техническое развитие» неандертальцев подчинялось скорее биологическим, а не социально-культурным законам. У неандертальцев в течение десятков тысяч лет наблюдается очевидная *неспособность к созданию цивилизации*.

Подобные явления мы находим и в современном человеческом обществе: скажем, русское крестьянство веками существовало, так же подчиняясь скорее «биологическим», чем социально-культурным законам; орудия труда не эволюционировали, любые новшества, приходящие извне (как правило, со стороны прагматически мыслящих помещиков) резко отвергались, вплоть до применения «красного петуха».

Эволюционное развитие русского крепостного крестьянства в его социально-хозяйственном аспекте шло, лишь ненамного превышая «уровень бобров».

Отсюда восприятие Чаадаевым России не как культуры, а как территории, находящейся вне исторического развития, представляющей собой «прочерк» в истории человечества. Отсюда вечная гоголевская «лужа посреди Миргорода». Отсюда же, из осознания отечествен-

⁶ Название происходит от скального грота Кро-Маньон во Франции, где в 1868 году французский палеонтолог Луи Ларте обнаружил и описал несколько скелетов людей вместе с орудиями позднего палеолита. Возраст этой популяции оценивается в 30 тыс. лет.

ной культуры как проявления «застоя», и щедринский образ «города Глупова», этой воплощенной кульминации бессмыслицы и топтания на месте.

Что касается «проблемы неандертальцев» (то есть вопроса о том, кто они такие были?), то подход к ней постепенно меняется, – от категоричного утверждения – «это не люди!» (как полагал историк Борис Поршнеv) до предположения – «люди, но совсем другие» (как считает современный антрополог Алексей Марков).

Кто бы они ни были, неандертальцы, человек разумный жил рядом с ними более десяти тысяч лет, и этот факт не мог не воздействовать на психику человека. Поэтому оппозиция – «это не люди!» или «люди, но совсем другие!» существует и активно работает до сих пор. Скажем, Запад, образно говоря, воспринимает Россию как кроманьонец неандертальца, Россия же воспринимает Запад как кроманьонца-пришельца, стремящегося вытеснить ее с ее исконных, обитаемых ею многие сотни тысяч лет «евразийских» пространств.

* * *

Ключевым событием, окончательно определившим превращение животных в людей, является возникновение речи.

Возникновение речи – это первый маркер зарождающегося этноса, это и первый шаг кроманьонского человека по направлению к многообразной этнической дифференциации.

Однако еще до появления связной, членораздельной и смысловой речи существовало, вероятно, *бессознательное символическое мышление*, построенное из зрительных образов с широким знаковым смыслом, связанных специфическими ассоциативными связями. Из этого, *всегда локального, всегда привязанного к определенному ландшафту образно-символического знакового языка*, из этой праречи, возникает «коллективность» мышления, возникает СО-ЗНАНИЕ, т. е. совместное знание данного коллектива, праэтноса, который *в процессе эволюционного развития данного локального модуса мышления и его речи* постепенно превращается в этнос.

Мышление есть изначально коллективное, и лишь потом индивидуальное явление. Поэтому таким тяжелым процессом является процесс становления личности – это всегда процесс выхода из-под контроля коллективного мышления, которое монолитом встроено в первобытный этнический менталитет.

Важнейшая функция коллективного мышления и его речи состоит в социальном сдерживании индивидуальных биологических (асоциальных) импульсов, в той или иной мере энтропийных для первобытного коллектива в целом, угрожающих его безопасности, способствующих его распаду, несущих в себе смуту и хаос.

Функция речи есть функция сугубо социальная, а не природная, – поскольку речь есть искусственный конструкт социума и в свою очередь конструктор социально значимых смыслов.

Как инструмент конструирующего воздействия общей для данного региона ментальной матрицы на частные умы, ее составляющие, речь коллективного со-знания становится одним из главных факторов этногенеза, обеспечивая его жизнеутверждающими смыслами.

Речь – это борьба со смертью. Речь – это изначально *заговаривание* (приручение) смерти, опасности, зла, просьба к мертвым не возвращаться.

* * *

Способность конструирующего реальность коллективного (социального) мышления своевременно гасить вспышки спонтанных биологических импульсов членов коллектива становится одним из главных достижений кроманьонца, сделавшим для него возможными вытеснение неандертальца и выход на путь Цивилизации.

Люди, участвующие в этносе, изначально воздействуют сами на себя через свое коллективное совместное знание и его речь – с единственной целью: выжить.

На ранних этапах своего развития, под давлением этого совместного знания, люди этноса удерживают зверя в себе от агрессии против своих же, поскольку опыт показывает им, что только в коллективе людей одной с тобой речи, а стало быть, и одного с тобой совместного знания (со-знания), можно выжить.

Таким образом, этнос как источник и носитель совместного знания (сознания), проявляющегося через речь, воздействует воспитывающим образом на своего человека, ориентируя и корректируя его поведение в *нужном этносу направлении*.

Этнос не является биологическим образованием, не является «кровью и почвой». Этнос есть историко-социальный процесс, создающий этнического человека (этноантропа) и его этническую культуру – как кокон, теплицу, школу и крепость, внутри которой люди этноса могут развиваться, проходя определенные этапы Эволюции сознания.

Человек отчасти биологичен, отчасти социален. Этнос же только социален и первая и главная его социальная роль состоит в очеловечивании, в «социализировании» сексуальных инстинктов. Если этнос с этой своей самой первичной задачей не справляется, значит данный этнос и его человек все еще находятся на одной из самых низших ступеней эволюционного развития.

[III]. Четыре революции каменного века

* * *

На протяжении 12–15 тысяч лет кроманьонец соседствовал с иными видами хомо: неандертальцем, эректусом, флоресийцем...

Все они были в той или иной степени каннибалами, включая и самого кроманьонца.

При этом, скажем, мозг неандертальца содержал такие доли, которые говорят о наличии у него сильнейших суггестивных способностей.

У кроманьонца, как и у современного человека, эти доли головного мозга развиты в несравненно меньшей степени.

Вполне вероятно, что неандерталец мог воздействовать на сознание кроманьонца.

Против психической суггестии, как и против чисто физического превосходства неандертальца и эректуса, данного им природой, кроманьонец должен был бороться методом конструирования таких защитных и вспомогательных средств, которые природой не были ему дарованы.

Поэтому кроманьонцу пришлось развивать новые технологии, создавать свои специфические ноу-хау, изобретать летальное оружие и всё новые и более эффективные способы сопротивления психическому воздействию.

Всё это способствовало развитию речи и неизбежно вело к *конструированию социума*.

Очевидно, именно в связи с необходимостью создания по-новому структурированного социума, в эпоху от конца среднего палеолита до начала неолита, кроманьонцу пришлось начать четыре великие революции.

В результате этих революций кроманьонцы и их ближайшие потомки окончательно сформировались в этнические группы.

* * *

На переломе среднего палеолита в верхний палеолит, т. е. приблизительно 30 тысяч лет назад появились первые шаманы, и ими были женщины.

К этому времени люди современного типа почти полностью вытеснили, уничтожили или ассимилировали неандертальцев, эректусов и прочие родственные виды, оказавшись в смысле биологической эволюции вне конкуренции и оставшись единственным видом рода *Номо* на всей планете.

Ощутимый социальный и технический прогресс, возникший в результате многотысячелетнего противостояния (или *Нулевой мировой войны*) кроманьонца с иными видами *Номо*, обусловил эволюционные преимущества сапиенса, который оказался гораздо более восприимчив к новаторству и адаптации.

Человек современный, неантроп, родился из войны, в результате войны и благодаря войне.

Межвидовая война закончилась победой вида *Homo sapiens*, но вся дальнейшая история человека представляет собой войну внутри самого этого вида.

Эта война идет до сих пор.

Она имеет место, в том числе, и потому, что эволюционное развитие вида *Homo sapiens*, человека разумного, трагически связано с *неравномерностью социального и технического прогресса в разных популяциях этого вида*.

* * *

В отличие от предшествующего «человека неразумного» или «мало разумного», который создавал за всё время своего существования всего одну-две материальные культуры (что не свидетельствовало в пользу его высокой духовности), человек разумный создал таких культур великое и многообразное множество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.